

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПОПЫТКАМ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В БЕЛАРУСИ

Немкевич И. В.

Республика Беларусь, г. Гомель

Гомельский государственный университет

имени Франциска Скорины,

доцент кафедры теории и истории государства и права,

кандидат исторических наук, доцент

Вступление в жизнь новых поколений заставляет представителей историко-правовой науки не ослаблять внимания к задаче выработки у нашего общества устойчивого иммунитета к попыткам фальсификации этой трагической и героической страницы отечественной истории, каким бы «флагом» эти попытки ни маскировались. Приговор, вынесенный мировым сообществом преступной идеологии и практике нацизма, не может быть ни предметом забвения, ни предметом «модернизации», ни предметом «войны памяти». Неслучайно утвержденная 25 апреля 2024 г. решением Всебелорусского народного собрания Концепция национальной безопасности Республики Беларусь называет противодействие реабилитации нацизма в числе основных направлений нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности (глава 8).

Одним из примеров циничной и подлой фальсификации отечественной истории являются попытки оправдать «жесткие меры» оккупационного режима фактами сопротивления установленному нацистами «новому порядку» и необходимостью защиты «освободителей» от подрывных действий «бандитов». Квалифицированная и адекватная реакция на подобные попытки должна, на наш взгляд, включать достижение полной и убедительной ясности в вопросе о действительных причинах установленного оккупантами режима террора и геноцида.

В основу криминологического анализа причин и условий массового совершения актов геноцида немецко-фашистскими оккупантами в Беларуси должны быть положены принципы международного права, содержащиеся в Уставе Международного военного трибунала в Нюрнберге и выраженные в его приговоре. Нюрнбергский процесс 1945–1946 гг. стал первым в истории международным судом, признавшим агрессию тягчайшим уголовным преступлением, доказавшим органическую связь преступлений геноцида с идеологией фашизма и политическим режимом нацистского государства. Справедливо и заслуженно были наказаны не только непосредственные исполнители преступных планов и приказов, но и высшие государственные и военные деятели фашистской Германии, виновные в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, в разработке и принятии таких планов, приказов

и инструкций. Трибунал признал преступными организациями не только террористические структуры СС, гестапо, СД, но и руководящий состав нацистской партии. Трагические события новейшей истории лишь подчеркивают справедливость и значимость юридического анализа, проведенного в середине XX века.

Таким образом, политика грабежа, террора и геноцида была органически связана с природой фашизма и идеями, изложенными в нацистском манифесте – книге «Майн кампф». Обосновывая тезис о необходимости уничтожения Советского Союза любыми методами, А. Гитлер призывал отбросить в сторону всякие представления о гуманности. «Потомки не спросят нас, – заявил он, – какими методами или в соответствии с какими нынешними представлениями мы действовали, а лишь о том, чего мы добились» [1, с. 104]. Военная доктрина нацистской Германии требовала придания войне на Востоке характера расовой войны на уничтожение. Фюрер подчеркивал: «На Востоке жестокость является благом для будущего» [Цит. по: 1, с. 118]. Для высшего государственного руководства и генералитета подобные заявления фюрера служили не только важнейшей идеологической установкой, но и практическими указаниями для составления приказов и инструкций по осуществлению военных действий против СССР и установлению оккупационного режима на захваченных территориях. Красноречиво свидетельствует об этом, например, следующий фрагмент из приказа командира 4-й танковой группы генерал-полковника Э. Гёпнера, подписанного накануне вторжения. «Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа, – говорилось в приказе. – ...Эта борьба должна преследовать целью превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью» [Цит. по: 1, с. 118].

Развертывание войны на уничтожение призваны были обеспечить принятые накануне вторжения в СССР приказы и инструкции Верховного главнокомандования вермахта. 13 марта 1941 г. были приняты «Руководящие указания по специальным вопросам в дополнение к директиве № 21» («Инструкция об особых областях к директиве № 21»), 28 апреля 1941 г. – «Положение о действиях полиции безопасности и СД в составе сухопутных сил», 13 мая 1941 г. – распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандования В. Кейтеля «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск». 1 июня 1941 г. уполномоченный по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретарь Бакке подписал инструкцию о поведении должностных лиц на территории СССР, намеченной к оккупации (так называемые «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими»).

«Инструкция об особых областях к директиве № 21» передавала власть на оккупированной территории командованию немецкими Вооруженными силами и наделяла рейхсфюрера СС Гиммлера специальными

полномочиями, означавшими установление системы террора. «Правила», включенные в распоряжение «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск», должны были обеспечить условия для массового использования мер террора в качестве основного метода «замирения покоренных областей». Оккупанты освобождались от дисциплинарной и уголовной ответственности за преступления против местного населения: «возбуждение преследования за действия, совершенные военными служащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок» [2, с. 28–29].

Действия же «враждебных гражданских лиц» изымались из подсудности судам; всю судебную власть в отношении местного населения документ передавал в руки любого немецкого офицера. Заподозренные элементы, предписывала инструкция, «...должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны» [2, с. 28]. Массовые репрессии в отношении целых населенных пунктов должны были «немедленно» применяться распоряжением офицера, занимающего должность не ниже командира батальона. «Сохранять» же заподозренных «для предания их суду» категорически воспрещалось. От исполнителей запланированной политики террора и геноцида требовалось заблокировать в себе любые предохранители гуманности: «Для разрешения поставленных на Востоке задач требуется, однако, чтобы вы не подходили к вещам с узкой западноевропейской меркой» [2, с. 30–31]. В инструкции о поведении должностных лиц статс-секретарь Бакке разъяснял: «В течение столетий русский человек испытывает нищету, голод и лишения. Его желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему, не пытайтесь вносить изменения в образ жизни русских, приспособляя его к немецкому жизненному стандарту» [2, с. 34]. Документ обязывал «с сознанием своего достоинства проводить самые жесткие и самые беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство» [2, с. 32].

Третья статья Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него включает в число наказуемых деяний не только действия лиц, совершающих геноцид, но и заговор с целью совершения геноцида, а также прямое подстрекательство к нему [3, с. 460]. Рассмотренные документы с очевидностью соответствуют такой квалификации. Террористическая практика оккупационного режима в Беларуси не была ни импровизацией, ни «эксцессом исполнителя».

Тот факт, что все упомянутые выше установки, приказы и инструкции были утверждены фашистским правительством и верховным главным командованием немецкой армии еще до нападения, свидетельствует о заблаговременно продуманной государственной политике фашистской Германии. Данное обстоятельство является главным и достаточным доказательством ничтожности «аргумента» о вынужденных жестких мерах «замирения» и реагировании на акты сопротивления «новому порядку».

Аморальность и политическая провокативность попыток возложить ответственность за агрессию и террор на сами жертвы таких преступлений самоочевидны. «Нам не оставили выбора» – этот «аргумент» в хрестоматии для агрессоров был внесен организаторами преступлений немецко-фашистских оккупантов. Обсуждая на совещании с руководителями фашистского рейха 16 июля 1941 г. «мотивировку перед миром» действий оккупантов, Гитлер инструктировал рейхсмаршала Геринга, фельдмаршала Кейтеля, рейхслейтера Розенберга и других: «Мы снова будем подчеркивать, что мы были вынуждены занять район, навести порядок и установить безопасность» [2, с. 47]. При этом «все необходимые меры – расстрелы, выселения и т. д.» должны оправдываться тем, что «мы были вынуждены в интересах населения заботиться о спокойствии, пропитании, путях сообщения и т. д.» [2, с. 47–48]. Реализуя установки фюрера, фельдмаршал Кейтель в своем приказе 16 сентября 1941 г. уточнял задачи оккупационных властей: «Следует постоянно помнить и всячески подчеркивать в пропагандистских мероприятиях, что самые решительные меры освободят также местное население от коммунистических преступников и поэтому принесут ему пользу» [4, с. 27]. В отказе местного населения безропотно принять уготованный им геноцид организаторы последнего едва ли не с радостью усматривали фактор, облегчающий оккупационным властям реализацию их преступных целей. Так, на совещании 16 июля 1941 г. Гитлер объяснял присутствовавшим: «Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас» [2, с. 48]. Циничный рационализм «классиков» агрессии и террора не может не поражать...

В базу современного масштабного расследования факта геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, на наш взгляд, должны быть включены и документы высшего политического и военного руководства нацистской Германии, доказывающие намеренный и спланированный характер преступлений оккупантов.

Список цитированных источников

1. История белорусской государственности : в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Мн. : Беларуская навука, 2019. – Т. 4 : Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / отв. ред.: Н. Б. Нестерович. – 567 с.
2. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944гг.) / сост. : Г. Ф. Заставенко (рук.) [и др.] ; под общ. ред. Е. А. Болтина и Г. А. Белова. – 3-е изд. – М. : Экономика, 1985. – 328 с.
3. Щербаков, В. В. Права человека: сб. междунар.-прав. документов / В. В. Щербаков. – Мн. : Белфранс, 1999. – 1146 с.
4. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. – Мн. : Беларусь, 1965. – 464 с.